

В а д и м М у р а т х а н о в

№ 31

•

Первым учителем Кеша Задворского в постижении искусства слова был Александр Абазреев. Личность не слишком известная в столичных литературных кругах, но пользовавшаяся непререкаемым авторитетом среди творчески одаренной молодежи Ахметьевска.

«Бродский чудило, — небрежно ронял Абазреев сквозь косматую бороду, и юные гости, густо облеплявшие столик на тесной кухне, на несколько секунд приоткрывали рты. — Я давно ему говорил, — продолжал он, выдохнув облако папиросного дыма, — хрена ли же ты, старик, со своим талантом...»

Однажды Кеша засиделся у Абазреева и прозевал последний троллейбус. Хозяин предложил переночевать у него. Ночи в ту пору стояли морозные, и Кеша согласился, благодаря чему впервые получил возможность лицезреть Абазреева напившимся. Пошатываясь на скрипучей табуретке, учитель внушал: «Картинка должна возникать при чтении стихов, кар-тин-ка! Всасываете, обалдуи?» После чего махал рукой, отчаявшись донести до начинающих литераторов свою мысль.

Перед отходом ко сну Абазреев обвел поредевших за кухонным столиком собеседников мутным взглядом и уперся им в Кешу. Указав пальцем, плаксиво пожаловался: «Я не могу его ударить. Скажите, ну почему я не могу его ударить?»

Когда хозяин уронил лицо на клеенку и последние гости разбрелись, Кеша неуверенно лег на покосившийся диван, ножкой которого служили несколько томов «Библиотеки всемирной литературы». Заснул не сразу — все пытался представить, в каком направлении могло бы развиваться творчество Бродского, если бы он в свое время последовал советам Абазреева. Встав до рассвета, Кеша осторожно снял с груди тяжелую руку наставника, храпевшего рядом, щелкнул замком и шагнул в темень декабрьского утра. Именно в этот день в нем окончательно созрела мысль о переезде в Москву.

Поступление в столичный физико-технологический институт им. Прянишникова ознаменовало собой новый шаг Задворского на литературном поприще. Когда его однокурсники организовали лито, он, конечно же, не мог остаться в стороне.

Роль председателя объединения взял на себя староста курса Павел Медведев. Он объявил о выпуске альманаха «Призвание». Это издание, по мысли инициатора, призвано было положить конец диктату замшелых авторитетов и навсегда изменить литературную карту России.

«Участвуешь? — подошел Медведев к Кеше. — С тебя пятихатка. А как ты хотел: верстка, дизайн, типографские расходы... В принципе, дело твое. Очень скоро народ начнет строиться в очередь, чтобы в “Призвании” напечататься. Тогда пятихаткой уже не отделаешься».

Ранее Кеша несколько раз показывал Медведеву свои стихи. Тот морщился: «Здесь у тебя... понимаешь... как бы... дискурса нет». Поэтому теперь Кеша испытывал смешанные чувства. С одной стороны, ему было лестно, что председатель лито наконец оценил его творчество. С другой — смущала необходимость платить за публикацию. Не исключено, что Кеша Задворский отказался бы давать стихи в альманах и дебютировал в каком-нибудь другом, более именитом издании, но все решило участие в этом проекте Инги Ледагиной с третьего курса.

Читая доклад или стихи, длинноволосая Инга умела с вдохновенной рассеянной улыбкой смотреть куда-то поверх голов слушателей, как будто то, что она читала, относилось к более достойной и никем, кроме нее, не различаемой аудитории. И Кеша готов был полжизни отдать за то, чтобы взгляд Инги остановился на нем, еще ничем не примечательном, но уже многообещающем поэте.

Есть основания считать, что Инга Ледагина послужила прототипом женских образов в ряде произведений Задворского. Это, в частности, Ирма Безответова в повести «Неразлучная родня» и Инна Деягина в романе «Следующая станция — Юность».

В альманах Инга предложила эссе о четырехстрочном стихотворении Медведева:

Внимание, поезд! Из Владимира.
Внимание, поезд! Из Владимира.
Внимание, поезд! Из Владимира.
Внимание, поезд! На Москву...

«В контексте современных речевых практик, — писала Инга, — представляется нетривиальным, как в данном тексте накладывается модель провинциальной картины мира на актуальный дискурс современного поэтического мышления».

Скидываться на альманах ей не пришлось. «Из всех литературных жанров, — объяснил Медведев другим авторам, — важнейшим для нас является критика».

Знакомство Задворского с заведующим отделом поэзии журнала «Мир слова» Михаилом Велемысловым большинство исследователей относят ко времени, когда будущий классик отечественной литературы и замечательный бытописатель нашего края уже завершал учебу в институте и всерьез подумывал о сотрудничестве с московскими журналами в качестве внештатного автора.

На встрече со студентами в актовом зале главного корпуса Велемыслов читал свои стихи и рассказывал о журнале. Кеша сидел в первом ряду и неотрывно смотрел на выступающего. Задворский представлял, что это он сидит сейчас на месте Велемыслова, читает стихи, отвечает на записки из зала, склоняет седую голову под аплодисменты и подписывает за столиком купленные студентами книги.

Подошла Кешина очередь брать автограф. Велемыслов взглянул на него и вспомнил: «Это же вы, молодой человек, сидели в первом ряду и так внимательно слушали? Мне понравились ваши глаза. Только с такими глазами и надо слушать поэзию. Приходите в редакцию, пообщаемся».

На следующий день окрыленный Кеша уже плутал по извилистым московским переулкам в поисках редакции. Нашел ее во флигеле старинного особняка. Заросший травой фонтан с полуразобранном круглым бассейном во внутреннем дворике словно бы подчеркивал

историческую значимость заведения. Перед самой дверью редакции сердце Задворского забилося, как на первом свидании.

В свете тускло моргавшей лампы дневного света открылся коридор, который через несколько метров превратился в лабиринт. Откуда-то издали доносились голоса. Кеша пошел на них и дважды повернул налево.

Кабинет Велемыслова был обставлен скромно. Главным его украшением служили настенные портреты классиков. «Давно уже подал заявку в секретариат, чтобы повесили Мандельштама, — посетовал хозяин. — На будущий год обещали». Над его креслом висел и сурово смотрел на Кешу лысый черно-белый Серафимович.

На рукопись Задворского Велемыслов бросил один короткий взгляд. «О стихах я сужу по первым нескольким строчкам. Вы, молодой человек, поэт от Бога, в этом нет никаких сомнений. А хотите, я покажу вам автограф Сельвинского?» Тяжело опираясь на палочку, он подошел к огромному шкафу, снизу доверху заполненному книгами, и надолго углубился в поиски, словно забыв о посетителе.

С тех пор Кеша стал регулярно бывать в кабинете Велемыслова. Он узнал массу подробностей из жизни знаменитых прозаиков и поэтов. Услышал множество баек и анекдотов, родившихся в разные годы в стенах ЦДЛ и теперь заботливо хранимых стариковской памятью. Вот только подборка Кеши, в первый же день принятая заведующим к публикации, все не выходила в журнале. Когда Задворский пытался робко напомнить Велемыслову о ее судьбе, тот отшучивался: «Молодой человек, мы же с вами для вечности пишем — куда нам спешить?»

Месяцы тянулись в ожидании. Иногда Кеша ловил себя на странной мысли: вот это и есть литературное бессмертие — старея, но не умирая, ходить с рукописями из редакции в редакцию, пить чай, беседовать о поэзии. Переживать современников и литературные эпохи, не замечая течения времени.

Впоследствии московский период биографии нашего выдающегося земляка нашел отражение в поэме «Навсегдатай». К сожалению, не всеми современниками она была оценена по достоинству, и еще до сих пор по-настоящему не прочитана столичной критикой.

Случай, послуживший толчком к возвращению Кеши на малую родину, произошел в один из декабрьских предпраздничных дней. Должно быть, почувствовав, что терпение начинающего автора вот-

вот иссякнет, Велемыслов в ответ на очередной вопрос о подборке предложил: «Поедемте ко мне, молодой человек. Поговорим о ваших стихах, над ошибками поработаем».

Скрипя свежевывавшим снегом, они неспешно дошли до ближайшей станции метро. На сходе с эскалатора Велемыслов обернулся к Кеше и подмигнул: «Я здесь часто бегаю в это время. Лавируя между гражданами в час пик, легче сливаться с народом. Не желаете попробовать?» Прежде чем Задворский успел ответить, редактор подхватил палочку наперевес и пустился бежать. Изумленный Кеша не сразу сообразил, что происходит, и потерял драгоценные секунды. Когда он бросился вдогонку, Велемыслова было уже не настичь. Некоторое время сутулая спина еще мелькала в толпе, но вскоре окончательно растворилась среди незнакомых шапок и шуб...